

ТЫ ОСТАЛСЯ В МОИХ КОНТАКТАХ

В.К. Косс

16+

В.К. Косс

**ТЫ ОСТАЛСЯ В
МОИХ КОНТАКТАХ**

«Автор»

2026

Косс В.

**ТЫ ОСТАЛСЯ В МОИХ КОНТАКТАХ / В. Косс — «Автор»,
2026**

После неудачного свидания я записала подруге голосовое: про мужчину, который весь вечер учил меня жить, про свою усталость и вареники вместо нормального ужина. Нажала «отправить» — и только потом заметила имя получателя. Сообщение ушло Саше. Моему бывшему. Мы не разговаривали семь лет, а его номер так и остался в контактах. Я приехала в родной город продать бабушкину квартиру и немного прийти в себя. Теперь мы снова пьём кофе, спорим о прошлом, разбираем старую мебель. Я узнаю, о чём он тогда молчал, и всё чаще ищу повод его увидеть. Но мне предлагают работу в Петербурге. Ту, ради которой хочется открыть ноутбук утром. Однажды я уже уехала, оставив Сашу здесь. И пока я подбираю слова, чтобы рассказать ему о новой работе, мы успеваем стать друг другу ближе, чем я собиралась позволить.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не тому Саше	5
Глава 2. Семь лет в двух сообщениях	10
Глава 3. Кофе на сорок минут	15
Глава 4. Квартира, которую я продавала	21
Глава 5. Как мы тогда поссорились	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В.К. Косс

ТЫ ОСТАЛСЯ В МОИХ КОНТАКТАХ

Глава 1. Не тому Саше

На сорок третьей минуте свидания Павел сообщил, что его бывшая жена неправильно загружала посудомойку. Я посмотрела на дверь. До неё было четыре стола, официант с подносом и женщина, которая снимала на телефон пирожное. При желании можно было успеть.

— Представляешь, тарелки ставила лицом друг к другу. Я объяснял. Показывал. Даже инструкцию распечатал.

— И что?

— Ничего. Говорила, что я придираюсь.

Я разрезала рыбную котлету. Внутри она оказалась холодной, но жаловаться было опасно: Павел наверняка умел объяснить и котлете, что она делает не так.

В анкету он поместил фотографию с собакой. Собака смотрела в объектив с таким терпением, что теперь я начала понимать, кому принадлежало это выражение. Про неё Павел пока не сказал ни слова. За сорок три минуты я узнала о разводе, ипотеке, сантехнике, который обманул его на восемьсот рублей, и бывшей теще, способной испортить любой семейный праздник. О себе я сообщила имя и то, что не ем кинзу. Второе он оспорил.

— Ты её просто правильно не пробовала.

Я не стала перечислять способы. Последние полгода я училась не доказывать людям право не любить кинзу. Пока получалось с переменным успехом.

— А ты давно здесь? — вдруг спросил он.

— Одиннадцать дней.

— Переехала?

— Временно вернулась.

— Ну, после Москвы здесь тяжело. Я бы на твоём месте вообще не уезжал оттуда. Там перспективы.

На моём месте много кто справлялся лучше меня. Мама не довела бы себя до того состояния, в котором телефонный звонок вызывает тошноту. Коллега Лена грамотно распределила бы нагрузку. Бывший, Андрей, своевременно объяснил бы руководителю, что сверхурочные оплачиваются отдельно. Все они знали, как следует жить, и почти никто не спрашивал, как я живу на самом деле.

— Квартира от бабушки осталась, — сказала я. — Нужно заняться.

— Продашь?

— Собираюсь.

Павел отложил вилку. Оказалось, недвижимость занимала в его системе ценностей место выше посудомойки.

— Главное, не торопись. Есть знакомый риелтор. Хороший. Правда, характер тяжёлый, но они все такие. Документы смотрел кто-нибудь?

— Я смотрела.

— Сама?

В этом коротком слове было столько удивления, что я впервые внимательно на него посмотрела. Красивые руки. Аккуратная борода. Хорошая рубашка, явно подобранная человеком, который ещё надеялся на благоприятный исход наших переговоров.

— Павел, мне пора.

— Мы же десерт не заказали.

— Я не буду.

— Ты сладкое не ешь?

— Иногда ем.

Он окинул меня оценивающим взглядом, потом снова посмотрел в лицо. Я подняла руку, подзывая официанта.

Свою часть счёта я оплатила сама. Павел позволил мне это с выражением человека, предоставившего ценную возможность проявить самостоятельность. У выхода предложил подвезти. Я отказалась.

— Правильно, — сказал он. — Осторожность никому не мешает. Сейчас ведь разные бывают.

И только на улице, когда за моей спиной закрылась стеклянная дверь, я наконец рассмеялась.

Город пах мокрыми листьями и хлебом. За время моего отсутствия на углу появилась пекарня с французским названием, а обувной магазин превратился в пункт выдачи. Аптека осталась на месте. Неизменным был и бордюр возле неё: я споткнулась ровно там, где спотыкалась в школьные годы.

В кармане завибрировал телефон.

«Ну?» — написала моя подруга Саша.

Я сфотографировала перед собой лужу и отправила ей.

«Это метафора или ты утопила мужчину?»

«Не пришлось. Он сам справляется».

«Дома запишешь. Я укладываю. Если сейчас включу, Артём тоже захочет свидание».

Её сыну было четыре. Он считал, что свидание — это место, где взрослым дают мороженое, и пока никто не смог убедительно объяснить, почему его туда не берут.

Я убрала телефон. В тёмном окне автобуса, остановившегося у тротуара, отражалась женщина в синем пальто. У неё был мой нос и очень уставшее лицо. Перед свиданием я нарядилась, впервые за неделю высушила волосы феном и достала серёжки, подаренные себе на тридцатилетие. Тогда мне казалось, что тридцать — возраст, к которому жизнь уже должна принять окончательную форму. Через два года она выглядела как мои вещи, уложенные в пакеты при срочном переезде.

Можно было вызвать такси, но я пошла пешком. На ужин с человеком, умеющим загрузить посудомойку, я уже потратила больше, чем собиралась.

В доме бабушки работал домофон, а лифт всё ещё требовал доверия. Между вторым и третьим этажом он вздрагивал. Я всякий раз сгибала колени, будто этим могла ему помочь.

На площадке меня встретила Тамара Павловна. В руках она держала пустую банку.

— Верочка, заходила к тебе. Думала, дома.

— Гуляла.

— Хорошо. Надо гулять. А то ты всё сидишь. Баночку заберёшь?

Банка когда-то принадлежала бабушке. Теперь Тамара Павловна возвращала по одной все вещи, которые успела у неё одолжить. Чашку, дуршлаг, три контейнера. Каждое возвращение требовало разговора, и соседка приносила предметы по отдельности, чтобы не лишаться повода.

— Конечно. Спасибо.

— Я её вымыла. Там крышка немного пахнет чесноком, ты не обращай внимания. Бабушка твоя в ней огурцы давала. В августе ещё.

Я взяла банку и стала искать ключ. После слов «в августе ещё» нам полагалось помолчать. Тамара Павловна смотрела на меня. Я — на круглый след от наклейки на стекле.

— Чай будешь? — спросила она.

— Сегодня нет. Я уже поужинала.

— Так чай не ужин. Ладно. Если что, стучи.

За дверью квартиры было темно и прохладно. Бабушка держала двадцать четыре градуса даже в сентябре, потому что, по её мнению, сырость проникала через ноги. Я проветрила все комнаты в первый же день и теперь почему-то чувствовала, что внесла этим неуместную поправку в чужую жизнь.

На кухне стояли две коробки. На одной я написала «Отдать», на другой «Подумать». Вторая давно переполнилась. В неё попали стеклянная маслёнка, стопка журналов с выкройками, маленький транзисторный приёмник и чашка с отбитой ручкой. Отдавать их было некому. Оставлять тоже незачем. Я переставляла вещи из шкафа в коробку, из коробки на стол, потом обратно и называла это подготовкой квартиры к продаже.

Я сняла пальто, повесила его на спинку стула и заметила на рукаве соус. Во время ужина Павел довольно энергично объяснял устройство нижней корзины. Наверное, тогда.

Из телефона слышался знакомый звук рабочей почты.

«Вера, добрый вечер. Знаю, что вы в отпуске, но сможете одним глазом посмотреть аннотацию? Тут буквально минут на десять».

Ни одна аннотация в нашем издательстве не занимала десять минут. В десять минут помещалось выяснение, кто именно принял текст, в котором девочка одиннадцати лет успевала стать дипломированным ветеринаром.

Я раскрыла вложение. Прочла первый абзац. Автор утверждал, что роман научит читателя доверять себе, миру и собственным решениям. Читатель пока не знал, о чём роман, но уже получил три задания.

В голове сразу сложилась новая версия. Я могла написать её, переслать и ещё час обсуждать, почему в ней не сохранилось слово «судьбоносный». Могла. Села на табуретку, подержала телефон обеими руками и закрыла письмо.

На одиннадцатый день отпуска это далось почти без головной боли.

В морозилке нашлись вареники. Я поставила воду. Есть после ужина было стыдно только в присутствии Павла, а его, к счастью, рядом не было.

Пока вода грелась, мама позвонила в мессенджере.

— Ты как?

— Нормально.

— Голос какой-то странный.

— На улице замёрзла.

— Я говорила, надо куртку взять. Пальто продувается.

Она сидела у себя в комнате, за спиной светился телевизор без звука. На столике я заметила бабушкину фотографию, которой раньше там не было.

— Ты ела?

— Да.

— А квартиру показывали?

— В четверг риелтор придёт.

— Ты с ценой не соглашайся сразу. Они будут сбивать. И вещи не выбрасывай, пока я не посмотрю.

— Мам, ты же говорила, что тебе ничего не нужно.

— Сейчас так кажется. Потом пожалею.

Я посмотрела на коробку «Подумать». Если бы мама приехала, нам понадобилась бы ещё одна.

Мы поговорили о её давлении, о дяде Олеге, который опять потерял очки, и о соседском ремонте. Она не спросила, что я собираюсь делать после продажи квартиры. За это я была ей благодарна. Мне самой хотелось узнать ответ, но пока я могла только сообщить дату встречи с риелтором.

Когда мы попрощались, вода выкипела на треть. Я бросила вареники и наконец вспомнила, кому должна подробный отчёт.

Сашина переписка затерялась в списке под рабочими чатами и доставкой мебели, от которой я отписывалась второй месяц. Я нажала поиск, набрала «Саша», открыла первый результат и прижала значок микрофона.

— Слушай, я дома. Значит, докладываю. Человек приличный, рубашка чистая, зубы все на месте. Но мне теперь кажется, что его бывшая жена просто хотела есть из грязных тарелок назло мужу. Сорок минут про посудомойку, Саш. Сорок. Я столько даже про любимые книги не выдержу. И он сказал, что кинзу я неправильно пробовала. Ты понимаешь масштаб бедствия? У меня в тридцать два обнаружилась неверная биография употребления зелени.

Вода снова зашумела. Я убавила огонь, не отпуская микрофон.

— А главное, я всё время думала: вот человек пришёл на свидание и точно знает, что о себе рассказывать. У него во всех историях виноват кто-то другой. Удобно, наверное. Я-то не могу сказать, что в Москве у меня закончилась батарейка и я приехала разбирать бабушкины полотенца, потому что с полотенцами проще. Они хотя бы не просят посмотреть одним глазом, пока ты лежишь лицом в подушку. Ладно. Сейчас буду есть вареники. Да, я уже ужинала. Нет, не комментируй. Потом позвоню, когда Артём уснёт.

Отправила. Положила телефон возле солонки. Сняла кастрюлю с плиты.

Вареники слиплись. Я ковырнула один вилок, потом второй. Моя самостоятельная жизнь требовала хотя бы сметаны. Она нашлась в холодильнике, за баночкой бабушкиной горчицы.

Я ела стоя. Одна ступня тёрлась о другую: всё-таки замёрзла. На часах было половина десятого. До сна оставалось пережить ещё примерно два часа, чтобы не проснуться среди ночи с ощущением, что опоздала куда-то, хотя идти было некуда.

Телефон загорелся.

Я взяла его, ожидая Сашиного привычного «господи, Вера». Посмотрела на экран и не сразу поняла, почему вместо её фотографии вверху стоит серая буква.

Саша.

Последнее сообщение над моим голосовым было датировано семью годами раньше. Точнее, приложение показывало только дату, но год я помнила. Короткое «Доехала?».

Под ним — моё «Да».

Ниже шла запись длиной в две минуты и одиннадцать секунд.

Я отложила вилку. Потом взяла телефон ближе к лицу, как будто расстояние мешало правильно прочесть имя.

Это был другой Саша.

В груди стало горячо. Я нажала на сообщение, удержала палец. Появилось меню. Удалить. Конечно, удалить. Дальше приложение предложило варианты, и я зависла, пытаюсь вспомнить, какой из них уберёт запись с его телефона.

В эту секунду под сообщением изменился значок. Прослушано.

— Ну вот, — сказала я кухне.

От кухонного окна потянуло холодом. За стеной Тамара Павловна что-то уронила, выругалась вполголоса. Обычная жизнь продолжалась с такой бесперемонностью, будто я только что не отправила бывшему мужчине рассказ о чужой посудомойке и собственном истощении.

Я открыла клавиатуру.

«Прости, ошиблась».

Стёрла. Написала: «Это не тебе».

Выглядело грубо. Стёрла снова.

Я могла бы просто удалить сообщение и сделать вид, что никакой Веры в его жизни не существует. Семь лет эта версия прекрасно работала. За это время я поменяла три телефона,

перенесла контакты, потеряла фотографии с одного отпуска и почему-то сохранила его номер. Не намеренно. Он был там, где номера мастеров, старых коллег и людей, которым я никогда больше не собиралась звонить.

Мы расстались до того, как у меня выработалась привычка чистить переписки. Потом удалять стало странно: пришлось бы специально искать.

Вверху появились маленькие буквы. Печатает.

Я смотрела на них, не моргая. Саша мог ответить что-нибудь вежливое. Мог спросить, кто это. Мог прислать смайлик — и вот этого я, кажется, боялась сильнее всего. Чтобы человек, когда-то знавший, как я сплю и чего боюсь, ответил жёлтым лицом.

Сообщение пришло короткое.

«А кинзу надо было сначала замочить согласно инструкции».

Я фыркнула и чуть не подавилась: как раз успела откусить вареник. Прикрыла рот ладошкой, отдышалась.

Потом пришло второе.

«Привет, Вера».

Я села. На пальто, которое так и висело на стуле. Телефон был тёплым от моих рук.

На кухне ничего не изменилось. В коробке лежали вещи, с которыми я не знала, что делать. В кастрюле остывала вода. На столе стояла банка Тамары Павловны с крышкой, пахнувшей чесноком.

Я прочла его приветствие ещё раз и вдруг обнаружила, что перестала мёрзнуть.

Глава 2. Семь лет в двух сообщениях

Я ответила не сразу. Успела убрать вареники, вымыть кастрюлю, протереть плиту и вытереть чистой тряпкой стол. Когда начала оттирать невидимое пятно на холодильнике, стало понятно, что хозяйственностью это уже не объяснить.

«Привет. Прости, запись предназначалась подруге».

Он прочёл почти сразу.

«Я догадался. Артёма уложить не обещаю».

Я прислонилась к холодильнику и посмотрела на облупившийся край подоконника. Подоконник нуждался в покраске. Очень своевременная мысль. Можно было написать Саше, что запись предназначалась подруге, ещё один раз, а потом всю ночь изучать краски.

«Неловко получилось».

«Бывает».

Он не задал ни одного вопроса. Это должно было меня успокоить. Вместо этого я почувствовала себя человеком, который вошёл в чужую комнату, опрокинул лампу и теперь стоит у двери, ожидая приглашения присесть.

«Ты как?» — написала я.

На этот раз он ответил через несколько минут.

«Сейчас нормально. До этого искал, где гудит».

«Нашёл?»

«Да. Очень хочется сказать, что в голове, но в кабеле».

Я поставила чайник. Раньше он тоже отвечал так: сначала что-нибудь конкретное, потом небольшой обход вокруг вопроса. Я успела забыть о его вечно неисправных кабелях. Или решила, что забыла.

«Ты ещё работаешь со звуком?»

«В театре. Иногда записи. Ты с книгами?»

Я посмотрела на рабочее письмо. На экране всё ещё светилось слово «судьбоносный».

«Да. Редактор. Сейчас отпуск».

Вместо вопроса о театре я напечатала «Я очень рада» и сразу стёрла. Нельзя было бросаться такими словами. Рада чему? Тому, что он нашёл гудящий кабель? Что не стал спрашивать, зачем я записала ему два абзаца о полотенцах?

Он снова появился в сети.

«Про бабушку не знал. Соболезную».

От этой фразы захотелось отойти от холодильника. Я села за стол.

«Спасибо. В ноябре умерла. Я тогда приезжала на несколько дней. Теперь вот разбираю квартиру».

«Помню, как она заставляла меня есть».

Я помнила тоже. Бабушка называла его Сашенькой, хотя он был выше её на две головы. Считала, что молодой человек с такими локтями постоянно недоедает. Саша отказывался от добавки один раз, для приличия, потом придвигал тарелку. Я всегда знала, что он согласится. Бабушка знала раньше меня.

«Она всех заставляла».

«Тебя не заставляла. С тобой шли переговоры».

Я улыбнулась. Это было правдой. Мне разрешалось оставить две ложки супа, если в обмен я обещала надеть носки.

«Ты её недавно видел?»

«Года три назад. Возле рынка. Она сказала, что тебе в Москве некогда есть».

Бабушка ничего мне не рассказала. Или рассказала, а я пропустила, слушая вполуха, пока поправляла чью-то аннотацию. В последние годы её звонки часто сопровождались моей работой. Она говорила, я ставила запятые, обе делали вид, что ничего другого в этот момент не происходит.

Я поднесла чай к губам и обожглась.

«Она всем это говорила».

«Наверное».

Новых сообщений не было. Я не знала, сидит ли он так же с телефоном в руках или давно убрал его и вернулся к своим делам.

Подруга прислала вопросительный знак.

Я открыла её чат. На фотографии Саша держала перед лицом ложку, которой Артём пытался её покормить. Даже при небольшом усилии я могла бы отличить её от серой буквы.

«Произошло непредвиденное».

«Ты всё-таки утопила?»

«Хуже. Отправила запись Саше».

«Мне ничего не пришло».

«Другому».

Телефон немедленно зазвонил.

— Тихо говори, — предупредила она. — Я в ванной. Здесь эхо, и он может решить, что я купаюсь без него.

— Я ошиблась в поиске.

— Я поняла способ. Результат какой?

— Мы разговариваем.

— О чём?

— О работе. О бабушке.

— Он женат?

— Откуда мне знать?

— Ты можешь спросить.

— Зачем?

Она помолчала. На её стороне что-то шуршало: наверное, передвигала кремы, освобождая место на краю ванны.

— Затем, что ты мне сейчас пересказываешь эту историю голосом человека, который второй раз за день вышел на свидание.

— Саша.

— Что, Саша? Я знаю, как ты говоришь про работу. Это совершенно другой темп. Сейчас между словами ты ждёшь, не напишет ли он.

Телефон в самом деле коротко завибрировал возле уха.

— У тебя там пришло что-то?

— Рабочее.

— В отпуске? Передай работе, что я запрещаю.

Я не стала проверять уведомление. Положила телефон на стол, включила громкую связь и принялась отклеивать этикетку с возвращённой банки.

Подруга знала Александра только по моим рассказам. Мы подружились уже в Москве, когда я снимала комнату с дверью, которую приходилось подпирать стулом. Ей досталась версия, где я смело начала новую жизнь, а мужчина из прошлого не сумел вовремя решить, нужна ли ему наша общая. В первые месяцы мне самой нравился такой пересказ. В нём не было места тому, как я плакала в привокзальном туалете, потому что не могла найти свободную кабинку.

— Я просто извинилась, — сказала я.

— Хорошо.

— И спросила, как дела. Было бы невежливо не спросить.

— Вера, я не обвиняю тебя в вежливости.

За дверью ванной раздался сонный голос:

— Мам, ты куда?

— Я здесь, зайчик.

— А почему здесь?

— Потому что нужно.

— А мне тоже нужно.

Она вздохнула.

— Ладно, завтра дослушаю про посудомойку. Я бы только сейчас не решала, что это всё означает. Можно просто поговорить.

Когда мы отключились, новое сообщение оказалось от него.

«Надолго приехала?»

Я сначала написала «Посмотрим». Потом удалила. Люди, которые хотят просто поговорить, способны назвать срок.

«На два месяца примерно. Пока продам квартиру. А дальше ещё не знаю».

Отправила и сразу почувствовала лишнюю откровенность последней фразы. До этого я всем говорила, что вернусь к работе, хотя отпуск заканчивался намного раньше, чем планируемые два месяца. Оставшееся время предстояло согласовать. Меня могли ждать, могли заменить, могли предложить работать из бабушкиной кухни в прежнем режиме. Я избегала разговора, словно за десять дней отсутствие решения само превратится в решение.

«Понял».

Он не добавил ничего. Я смотрела на это слово, пока чай не остыл.

Саша никогда не умел сообщать, что именно понял. Когда-то меня это не тревожило. Я дополняла короткие ответы чем хотела. Потом выяснилось, что фантазия не помогает договариваться о жилье и переезде.

Под окном проехал автобус. Стекло дрогнуло. Я заметила своё отражение в кухонном окне: размазанная тушь, волосы с одной стороны примялись под воротником пальто. Подошла к раковине, умылась, промокнула лицо полотенцем. Бабушкино полотенце было жёстким, как маленькое воспитательное мероприятие.

Вернулась к телефону.

«Ты из театра только пришёл?»

«Ещё здесь. Завтра прогон».

«Допоздна?»

«Минут через двадцать закончим. Если больше ничего не загудит».

Я представила его в полутёмном помещении, среди проводов и маленьких огоньков. Когда мы познакомились, он учился и подрабатывал на концертах. Брал меня на пустые площадки. Я сидела в первом ряду, пока он проверял микрофоны, и чувствовала себя приглашённой туда, куда посетители обычно не попадали.

Воспоминание было таким ясным, что захотелось быстро от него избавиться.

«Не отвлекаю тогда».

«Ты не отвлекаешь. Жду, пока подключат».

Буквы стали появляться раньше, чем я придумала следующий безопасный вопрос.

«Кстати, с ужином разобралась?»

«Да. Вареники пережили».

«С картошкой?»

«А с чем ещё?»

«Мало ли. Семь лет прошло».

Эти семь лет впервые оказались написаны прямо. Я положила телефон экраном вниз и прошла в большую комнату. На раскладном диване лежал ноутбук. Рядом стояла сумка, которую я ещё не разобрала полностью. Всё нужное было сверху, до остального руки не доходили.

Я открыла сумку, достала толстую книгу, купленную в дороге, и поставила на полку. Между словарём иностранных слов и бабушкиной записной книжкой. В записной книжке хранились телефоны людей, у которых давно были другие номера. Бабушка всё равно её не выбрасывала.

Мне тридцать два года, подумала я. Я взрослая женщина. Я могу переписываться с человеком, которого когда-то любила, не разбирая при этом собственную биографию на предмет улик.

Вернулась на кухню.

«Вареники те же. Всё остальное местами поменялось».

«У меня тоже».

Мы пожелали друг другу спокойной ночи. Это заняло ещё пятнадцать минут: он написал, что кабель оказался целым, подвёл переходник; я спросила, как называется спектакль; он прислал название и фотографию сцены. На фотографии были три стула и огромное красное окно. В угол кадра попал его ботинок.

Я увеличила снимок, якобы чтобы разглядеть декорации.

Потом выключила кухонный свет и легла. Из-под простыни торчал угол дивана. Я так и не научилась застилать его, не оставляя одну складку под поясницей. Лежала на спине, слушала, как сосед сверху переставляет что-то тяжёлое. Телефон положила рядом на подушку.

Андрей когда-то просил убирать телефон на ночь в другую комнату. Говорил, что так мы хотя бы перед сном будем принадлежать друг другу. Я соглашалась. Потом он начинал смотреть на своём новости. Я делала замечание, он объяснял, что это всего две минуты. Они обычно длились до моего сна.

Теперь телефон лежал рядом и никому не мешал.

Утром я проснулась в семь сорок. Первым делом проверила сообщения. Оправдала это ожиданием ответа от риелтора, хотя риелтор обещала позвонить после десяти.

Александр ничего не написал. У меня тоже не было причин писать. Я выключила экран, пошла чистить зубы и случайно выдавила пасту на палец вместо щётки.

Через час я сидела за ноутбуком и составляла письмо руководителю. Слово «неоплачиваемый» звучало как небольшая капитуляция. Но продлевать отпуск требовалось, а сохранять зарплату за время, когда я не работала, никто не обещал.

«Мне необходимо дополнительное время по семейным обстоятельствам».

Это было удобное выражение. Под семейными обстоятельствами можно было понимать умершую бабушку, наследство, собственную голову и пачку вареников. Я дописала даты, прочла письмо трижды и отправила.

Позвонила риелтор. Елена Викторовна говорила быстро и уверенно. Спросила площадь, этаж, вид собственности. Уточнила, нет ли зарегистрированных жильцов. Я достала папку и отвечала по документам.

— Завтра в двенадцать удобно?

— Да.

— Ничего специально не убирайте. Мне важно состояние видеть. Потом решим, как показывать.

Закончив разговор, я первым делом помыла чашки. Просьба ничего не убирать не отменяла желания выглядеть человеком, который моет чашки.

Ближе к полудню написала подруга.

«Ну как там инструкция к кинзе?»

«Спал, надеюсь».

«Я вообще-то про мужчину со свидания».

Я посмотрела на экран.

«Вот теперь стыдно».

«Не вижу причин. Есть новости?»

«Говорили вчера. Ничего особенного».

«Ты уже второй раз пишешь, что ничего особенного. Просто замечаю».

Я отправила ей снимок банки, с которой так и не отмыла наклейку. Это была прекрасная тема. Стекло, вода, липкий остаток, никакой потребности объяснять, что происходит внутри.

В два часа написал Саша.

«Добрый день. Надеюсь, Павел не прислал инструкцию».

Имени Павла в моей записи не было. Я перечитала сообщение и услышала его спокойную интонацию. Он придумал имя, совершенно подходящее человеку из ресторана.

«Удивительно, но угадал».

«Он в самом деле Павел?»

«Да».

«Извини перед всеми остальными Павлами».

Я рассмеялась. Из большой комнаты зазвонил ноутбук: руководитель приняла письмо и предлагала созвониться завтра. Я закрыла уведомление, хотя могла сразу подтвердить время.

«Вчера хотел спросить», — написал он.

Я замерла. Было много вопросов, которые он мог вчера хотеть задать. Почему я не позвонила на следующий день после приезда. Почему не позвонила семь лет назад. Зачем хранила номер.

«Ты всё в той же квартире?»

«Да. Здесь ничего особо не поменялось. Даже лифт».

«Лифт заслуживает памятника при жизни».

«Сначала пусть доживёт до пятого этажа».

Я набрала: «А ты где?» — и замерла, проверяя, не слишком ли это личный вопрос. Спросить, где он живёт, ещё не значит напрашиваться в гости. Я отправила сообщение.

«На Речной. Снимаю возле старой водонапорной башни».

Я знала этот дом. Белый, с магазином тканей на первом этаже. От бабушкиной квартиры до него шли через сквер, потом вдоль школы. В детстве мы с мамой доходили за двадцать минут, если она не встречала знакомых.

Я подошла к окну. За тополями виднелась крыша той самой школы. Расстояние внезапно стало ощутимым. Пока Саша жил где-то в моей памяти, к нему невозможно было зайти случайно. Теперь между нами были сквер, светофор и два пешеходных перехода.

«Совсем рядом», — написала я.

Ответ пришёл быстро.

«Да».

Я ещё несколько секунд держала телефон в руке. Потом достала из сумки ключи и положила на тумбочку в прихожей, хотя выходить пока никуда не собиралась.

Глава 3. Кофе на сорок минут

Руководитель позвонила раньше, чем я успела придумать убедительную причину, по которой не могу сейчас разговаривать.

— Вера, здравствуйте. Я прочитала ваше письмо. У вас всё в порядке?

— Да. Спасибо, что спрашиваете.

Последняя фраза вышла с интонацией, с которой я отвечала авторам, предложившим заменить слово «сказал» на «изрёк». Начальница помолчала. Я приготовилась к разговору о том, что надо собраться.

— Мы можем согласовать отпуск за свой счёт до конца следующего месяца, — сказала она. — Но мне нужно понять, на какие проекты вас ставить после возвращения.

— Я пока не знаю.

— Не знаете, когда вернётесь, или вообще?

Я смотрела на экран компьютера. В клетке календаря стояло моё имя. До недавнего времени это казалось достаточным объяснением, чем я буду заниматься через две недели.

— Вообще, — сказала я.

— Поняла. Тогда давайте так. Заявление сегодня. Передачу ваших книг уже закончили. После двадцатого числа свяжемся и обсудим, что дальше. Хорошо?

— Хорошо.

Я ждала ещё чего-нибудь. Напоминания о сроках. Замечания о моей непредсказуемости. Небольшого наказания за то, что не могу назвать перспективы.

— И аннотацию я отдала Лене. Не смотрите её, — добавила она. — Это наша ошибка, что прислали вам.

Мы попрощались. Я сидела перед компьютером, чувствуя себя довольно глупо. Столько сил ушло на приготовление к разговору, который можно было провести за четыре минуты.

Я открыла заявление, вписала даты и отправила. Потом долго смотрела на собственную фамилию внизу страницы. Казалось, нужно чем-то закрепить совершённое: выпить кофе, выйти на улицу, сообщить человеку, который поймёт, почему это важно.

Написала Саше: «Согласовали мне ещё отпуск».

Он ответил не сразу. Я успела решить, что это слишком интимная новость для третьего дня общения.

«Отлично. Сколько?»

«До конца следующего месяца».

«Теперь можно выдохнуть?»

«По инструкции полагается».

«Только соблюдай направление выдоха».

Я улыбнулась и закрыла ноутбук.

В четверг пришла Елена Викторовна. Она была невысокой, с очень прямой спиной, и сняла обувь раньше, чем я успела предложить бахилы.

— Не люблю в чужие квартиры с улицы, — объяснила она. — У самой белый ковёр, имею право на привычки.

Осмотрела кухню, заглянула в ванную, попросила документы. Я стояла рядом и зачем-то рассказывала, что бабушка меняла трубы пять лет назад.

— Вижу. Электрику меняли?

— Не знаю.

— Это выясним.

Она включила свет в комнате. Люстра зажглась не полностью: из пяти ламп работали три. Я смотрела на два тёмных плафона, чувствуя, что они сообщают о моей некомпетентности больше, чем могли бы документы.

— С мебелью как планируете?

— Пока не решила.

— Крупное лучше убрать. Вот этот стол забирает пространство. На фотографиях будет казаться теснее. Сервант можно оставить до сделки, если покупатель захочет. Но решать вам.

Я кивнула. Когда она назвала предполагаемую цену, первым желанием было позвонить маме. Вторым — попросить ещё немного, потому что за эти деньги кто-то собирался занять все бабушкины комнаты.

Елена Викторовна предложила подумать до понедельника. Я проводила её и вернулась в кухню. На полу остались едва заметные следы от её носков.

Телефон лежал возле папки. В переписке с Сашей появилось новое сообщение.

«Завтра у меня окно до четырёх. Если хочешь, можем выпить кофе».

Я прочла и пошла проверять воду в ванной, хотя риелтор уже выключила кран. Вода не текла. Это не помогло.

Он всего лишь предложил выпить кофе, пока свободен. Мы жили рядом, давно не виделись — вполне достаточный повод. Я могла согласиться, не подсчитывая сначала, сколько раз за сутки открыла нашу переписку.

«Давай. Я могу в два. Правда, ненадолго, минут на сорок».

«Подойдёт. Где удобно?»

На выбор места встречи ушло больше времени, чем на заявление об отпуске. В старую кофейню идти не хотелось: там мы когда-то сидели после занятий. В новую пекарню у аптеки заглядывали соседи, а мне пока не хотелось отвечать на их вопросы. Предложила кафе у библиотеки.

«Знаю. В два буду».

Вечером я сообщила подруге.

— На сорок минут? — переспросила она.

— У него потом работа.

— А у тебя?

— Тоже дела.

— Какие?

— Саш, что за допрос?

— Обычный. Я хочу знать, что мы вписываем в расписание между бывшим мужчиной и ужином.

Я посмотрела на коробку «Подумать».

— Квартиру разбирать.

— Прекрасно. Тогда коробки точно могут подождать.

Я собиралась возразить, но Артём потребовал проверить, не женятся ли люди на кассе. Подруга отвлеклась на объяснение устройства магазина. Я услышала в трубке: «Нет, кольцо на руке не значит, что кассир женился прямо сейчас», — и решила, что мои вопросы пока вполне умеренные.

В пятницу я проснулась с уверенностью, что нужно отменить встречу. Без уважительной причины. Просто вчера приглашение находилось внутри телефона, а сегодня полагалось надеть одежду, выйти из квартиры и посмотреть Саше в лицо.

Я не знала, как он теперь выглядит. На театральной фотографии был ботинок. В социальных сетях искать его не стала: опасалась и пустого профиля, и слишком подробного. Семь лет нельзя было надёжно изучить между чисткой зубов и завтраком.

Достала джинсы, серый джемпер, белую рубашку. Рубашка требовала утюга. Я сняла с гладильной доски коробку со скатертями, включила утюг и вдруг вспомнила, как бабушка проверяла его пальцем, предварительно смочив палец водой. Я так никогда не делала. В детстве её это веселило.

В конце концов надела джемпер.

В кафе я пришла без пяти два. Саша сидел у окна боком к двери. Перед ним стояла чашка, рядом лежал телефон экраном вниз.

Я узнала его по тому, как он держал руку на столе. Ладонь раскрыта, пальцы чуть согнуты. Внешность рассмотрела позже, когда он повернулся.

Он встал. Я остановилась между двумя столами, не зная, нужно ли обнять его. Семь лет назад знала, куда деть руки, даже когда обижалась. Сейчас одна держала сумку, другая оказалась свободной и бесполезной.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Мы коротко обнялись. Его ладонь коснулась моей спины чуть выше талии. Я почувствовала запах улицы и знакомый запах кожи, который когда-то различала на шарфе. Пришлось быстро отступить.

— Ты давно?

— Минут десять. Боялся опоздать на мероприятие с таким строгим временем окончания.

— Очень смешно.

— Стараюсь.

Я сняла пальто. Он отодвинул стул, но не стал забирать сумку. Хорошо, подумала я, хоть с сумкой мне можно справиться самой.

Волосы у него стали короче. На висках появились светлые пряди. У внешнего края брови был маленький шрам, которого я не помнила. Лицо изменилось так, что знакомые черты приходилось узнавать по очереди.

— Что будешь? — спросил он.

— Капучино.

— Ещё что-нибудь?

— Нет.

— Здесь пироги неплохие.

— Саш.

Он поднял ладони.

— Просто сведения. Никакого давления.

Официантка принесла меню. Я всё-таки заказала пирог с яблоком. На Сашу при этом не посмотрела. Он промолчал с таким старанием, что я заметила.

Первые десять минут мы говорили о городе. О том, куда переехал кинотеатр. О библиотеке, где теперь нельзя было взять книгу без электронной регистрации. О школе, которую покрасили в жёлтый цвет и почему-то называли обновлённой.

— Ты со старой компанией встречаешься? — спросила я.

— Иногда. У большинства дети. Теперь встречи начинаются в четыре и заканчиваются до того, как становится интересно.

— У тебя?

Он взглянул на меня. Вопрос повис раньше, чем я успела его закончить.

— Нет, — сказал Саша. — Детей нет.

Я кивнула, будто уточняла список оборудования.

— У меня тоже.

— Я понял про Артёма. По обращению «когда уснёт» скорее подруга.

— Мог быть муж.

— Мог. Тогда разговор был бы ещё интереснее.

Я засмеялась и потянулась к чашке. Блюдце дрогнуло. Несколько капель кофе попали на стол.

Он подвинул салфетку.

— Чего ты нервничаешь?

— Я не нервничаю.

— Ладно.

— Просто горячий кофе.

Он посмотрел на чашку, но спорить не стал.

— У меня тоже горячий, — сказал он после паузы.

От этого стало легче. Совсем немного, но достаточно, чтобы наконец перестать сидеть с прямой спиной.

Саша рассказывал о театре. Про актёра, который принёс на репетицию свой микрофон и обиделся, когда его не использовали. Про режиссёра, способного услышать звук, который ещё не был включён. Я слушала и смотрела, как он двигает чашку, уступая место тарелке. На безымянном пальце кольца не было. Отметив это, я разозлилась на себя: отсутствие кольца ничего не обещало.

— Ты один живёшь? — спросила я.

Пирог оказался суховатым. Я отломилась ещё кусок и тщательно занялась им.

— Да. Последние два года. А ты?

— Сейчас одна.

— Понял.

Я подняла глаза.

— Что именно?

Он удивился.

— Что одна живёшь.

— А. Да.

Мне стало стыдно за вопрос. Но Саша, кажется, не придавал ему значения. Рассказал, как нашёл съёмную квартиру: хозяйка попросила помочь настроить телевизор, а потом снизила плату на тысячу рублей. Тысячу он отработал несколькими визитами, поскольку телевизор регулярно переставал понимать хозяйку.

Я рассказала про Тамару Павловну и возвращающиеся банки. Он помнил её.

— Она меня однажды попросила ножи наточить.

— Ты умеешь?

— Тогда не умел. Пока точил, научился.

— Почему не сказал, что не умеешь?

Он задумался.

— Не знаю. Наверное, ножи уже были в руках.

Вот это я тоже помнила. Саша принимал задачу раньше, чем успевал решить, хочет ли её выполнять. Раньше такая готовность казалась мне надёжностью. Потом у чужих задач стало больше прав, чем у наших планов. Я взяла чашку обеими руками.

Он посмотрел на часы. Я тоже посмотрела. Прошло тридцать восемь минут.

— Тебе скоро? — спросил он.

— Ещё чуть-чуть можно.

В кафе стало шумнее. За соседний стол сели две женщины, положили между собой большой конверт и начали выяснять, кто должен был позвонить первым. Я поймала несколько слов и отодвинулась к окну.

Саша заметил движение.

— Хочешь пересесть?

— Нет, нормально.

— Можно и выйти. Там солнце появилось.

Я посмотрела за стекло. По мокрому тротуару прошёл человек с велосипедом. На ветках висели жёлтые листья. Солнце действительно вышло, и весь город на несколько минут перестал выглядеть как место, куда я приехала сдавать собственные позиции.

Мы попросили счёт. Я полезла за картой.

— Я приглашал, — сказал Саша.

— Я знаю.

— Значит, договорились?

Мне хотелось объяснить, что я могу заплатить. Потом вспомнила, что он не спрашивал о моей платёжеспособности. Пригласил на кофе и предложил его оплатить.

— Хорошо. Спасибо.

Он кивнул. Никакого обсуждения женской самостоятельности не последовало.

На улице было прохладно. Саша поднял воротник куртки. Я застегнула пальто и вдруг увидела, что на рукаве остался след соуса с того свидания. До сих пор не отёрла.

— Что там? — спросил он.

— Последствия Павла.

— Неплохо он поработал за один вечер.

Я засмеялась. На этот раз без неловкости.

Мы дошли до угла библиотеки и остановились. Отсюда ему было удобно повернуть к театру, мне — идти домой. Его смена начиналась в четыре. На моих часах было без десяти три.

Я приготовилась сказать «было приятно увидеться». Даже произнесла про себя, проверяя, не слишком ли холодно. Другой вариант — «спасибо за кофе» — был ещё хуже. Третий не придумывался.

— Как отец? — спросила я вместо этого.

Саша посмотрел на проезжающую машину. Потом на меня.

— По-разному. Ходит с тростью. По дому сам. На улицу одному лучше не выходить.

— Понятно.

— Ира рядом живёт, помогает. Я тоже.

Я кивнула. Вот мы и коснулись того, ради чего оба, вероятно, выбирали слова все сорок минут. Можно было спросить подробнее. Можно было сказать, что я часто думала об этом. Я не сказала: не хотела притворяться, будто все эти годы думала только о его семье, а не о собственной обиде.

— Ты как? — спросил он.

— В каком смысле?

— В обычном.

Я рассматривала оторванный угол афиши на стене библиотеки. Хотелось ответить так, чтобы он не решил, будто я пришла просить помощи. И так, чтобы не пришлось снова рассказывать, что у меня всё хорошо.

— Пока не очень понимаю, — сказала я. — Но сегодня лучше.

Он не стал уточнять. Просто стоял рядом. Мне это понравилось, хотя я ещё не знала, сколько в его молчании внимания, а сколько привычки избегать сложного.

За нами открылась дверь библиотеки. Вышли два подростка, один нёс стопку книг и пытался удерживать её подбородком. Саша придержал дверь, подождал, пока они спустятся. Я посмотрела на его профиль, на маленький шрам у брови. Хотелось спросить, откуда он. Было удивительно, что я не знаю.

Когда подростки ушли, он повернулся ко мне.

— Ну что?

— У тебя ещё есть время?

— Минут сорок.

Я убрала телефон в карман.

— Давай немного пройдемся.

Мы пошли к скверу. Впервые за весь день я не стала объяснять, почему меня можно задержать.

Глава 4. Квартира, которую я продавала

Мы гуляли до половины четвёртого. Возле театра Саша остановился, проверил телефон и поморщился.

— Что-то срочное?

— Из тех срочных дел, которые ещё вчера были срочными, но сказать решили сегодня.

— Знакомо.

— Буду опаздывать, если ещё постою.

Я кивнула. Пока мы шли, между нами установилось то расстояние, на котором руки не соприкасаются даже случайно. Пару раз приходилось отойти, пропуская встречных. Каждый раз я возвращалась чуть ближе и замечала это только после.

— Спасибо за кофе, — сказала я.

— Спасибо за рассказ про Павла. До сих пор помогает.

Мы улыбнулись. Второй раз обниматься было почему-то сложнее. Я подняла руку, он сделал то же самое. Мы попрощались жестом, как люди, встретившиеся на остановке.

Дома я обнаружила три пропущенных от мамы. Перезвонила прямо из прихожей, не снимая обувь.

— Я уже волноваться начала, — сказала она.

— Гуляла. Звук выключила.

— Долго гуляла?

— Часа два.

— Хорошо. А что риелтор?

Я назвала цену. Мама замолчала, и я догадалась, что она тоже ожидала от суммы чего-то большего, чем просто деньги за квартиру.

— Это с мебелью?

— По договорённости. Она советует убрать крупное. Стол, например.

— Какой стол?

— Из большой комнаты.

— Его дедушка выбирал.

Я посмотрела на стол. Тёмная полированная поверхность, одна нога чуть короче, под ней сложенный листок. За ним мы отмечали дни рождения. На нём бабушка раскатывала тесто, постелив клеёнку. Если раздвинуть половины, посередине получалась длинная светлая полоса, которая не успела выгореть.

— Я знаю, мам.

— Ты не выбрасывай его.

— А что мне с ним сделать?

— Кому-нибудь отдать.

— Я хочу отдать. Нужно только найти кому.

— Это хорошие вещи. Сейчас таких не делают.

Я сняла один ботинок, прижала телефон плечом, попыталась снять второй и едва не упала.

— Мам, это тяжёлый стол. Его кто-то должен вынести и куда-то увезти. Хорошим вещам тоже нужно место.

Она услышала раздражение и ответила сразу:

— Я ведь не мешаю тебе. Просто попросила не выбрасывать.

Мне стало стыдно. Она ещё не успела привыкнуть к тому, что может войти в эту квартиру только по чужому звонку. Я говорила о столе, она, наверное, слышала, как я тороплюсь закончить её детство.

— Не выброшу, — сказала я. — Сфотографирую. Размещу объявление. Может, заберут.
— Вот. Хорошо. И сервиз пока оставь.

Сервиз требовал отдельной коробки. Я вспомнила, что у мамы в шкафу уже стояли два, которыми она не пользовалась. Решила не напоминать.

В субботу с утра я составляла объявления. Стол следовало измерить. Рулетка нашлась в ящике с отвёртками, батарейками и ключами, происхождение которых было неизвестно даже бабушке.

«Стол обеденный, раздвижной. Состояние хорошее. Самовывоз с пятого этажа. Лифт небольшой».

Прочитала текст и добавила: «Потребуются двое». Сняла несколько фотографий, убрала из кадра пакет со старыми газетами, пересняла. На снимках стол выглядел увереннее меня.

Первый человек спросил, можно ли привезти ему. Второй предложил половину цены при условии, что я сама разберу стол. Третий написал «актуально?» и пропал после моего «да». Четвёртый хотел узнать, как часто мы его использовали. Этот вопрос поставил меня в тупик.

Я открыла старый семейный чат, переслала фотографии и спросила, нужен ли кому-нибудь. Дядя Олег поставил поднятый большой палец. Я уточнила, означает ли это желание забрать стол. Он ответил, что стол хороший.

К полудню стало понятно, что хороших качеств у мебели намного больше, чем желающих её взять.

Я решила раздвинуть его и снять вставку. Одна половина подалась легко. Вторая застряла. Я потянула сильнее, стол скрипнул, на полу остался след.

Отступила и посмотрела на результат. Теперь он стоял по диагонали, не позволяя пройти к окну. Вернуть его на место оказалось труднее, чем сдвинуть.

Рука сама потянулась к телефону. Можно было спросить Сашу, как снять ножки. Я знала, что он предложит прийти. Именно поэтому некоторое время не писала.

Нашла в интернете инструкцию. В инструкции молодой мужчина без усилий переворачивал стол, откручивал четыре крепления и уносил всё сразу. Я посмотрела на бабушкину мебель. Разница между условиями была значительной.

«Ты случайно не умеешь разбирать столы?»

Саша ответил через десять минут.

«По какой-то причине умею. Что случилось?»

Я прислала фотографию.

«Перестановка?»

«Промежуточный итог неудачных переговоров».

«Бабушкин?»

«Да. Нужно убрать перед фотографированием квартиры. Пытаюсь отдать».

Он уточнил размеры. Потом написал, что будет свободен завтра после полудня и может посмотреть крепления.

«Только если тебе удобно», — ответила я.

«Мне удобно. В час подойдёт?»

«Да. Спасибо».

В остаток субботы я разложила документы, вымыла пол в коридоре и зачем-то поставила на кухонный стол вазу с двумя яблоками. Потом убрала вазу. Саша собирался смотреть крепления, а не оценивать мои попытки выглядеть человеком, которому хорошо одному.

Он пришёл с небольшой сумкой инструментов и бумажным пакетом.

— Это что? — спросила я.

— Хлеб. По дороге взял. Если у тебя есть суп, пригодится.

— Супа нет.

— Тогда без него.

Он разулся, поставил ботинки ровно у стены. Бабушка любила, когда обувь не стояла посередине. Я заметила это и отвернулась, открывая дверь в комнату.

Саша вошёл, остановился. Посмотрел на сервант, диван, ковёр на стене. Ковёр я решила не трогать до маминого приезда, поскольку знала: по телефону мы не договоримся.

— Почти всё так же, — сказал он.

— Да.

— А телевизор другой.

— Я ей на день рождения покупала.

— Понятно.

Он подошёл к столу и присел возле ножки. Расстегнул сумку, достал отвёртку, потом убрал её и взял маленький ключ.

— Здесь можно снять ножки. Но сначала раздвинем его и достанем вставку. Поможешь?

Я встала напротив. Он объяснил, где держать, потянул свою половину. Моя неожиданно двинулась, и я отступила прямо на край ковра.

— Осторожно.

Он придержал стол. Я восстановила равновесие и ощутила, что покраснела.

— Я обычно координированнее.

— Не помню, чтобы ты обычно двигала столы.

Вставка оказалась тяжелее, чем выглядела. Мы положили её на диван. Я увидела под ней светлый след и несколько старых крошек.

— Надо же, — сказала я. — Возможно, это мой школьный торт.

— Не будем выяснять. Память лучше сохранить без исследования.

Перевернуть стол удалось со второй попытки. Саша положил под него старое покрывало. Я держала край, пока он ослаблял крепления. Не пытался одновременно объяснять мне, как правильно обращаться с мебелью. Просил подать ключ, говорил, когда можно отпустить. Это простое распределение задач неожиданно успокаивало.

Я присела рядом, собирая крепления в банку.

— Помнишь, здесь на Новый год стул сломался?

— Под Олегом?

— Да.

— Он сказал, что стул уже был подозрительный.

— Он всегда всё заранее подозревает. После того как случилось.

Саша засмеялся. Я слишком хорошо помнила тот вечер. Дядя сидел на полу, упрямо держа бокал вертикально. Бабушка сначала испугалась, потом стала смеяться так, что ей пришлось сесть. Александр вынес остатки стула на балкон. Мы стояли там вдвоём, слушали телевизор через стекло и целовались, пока он не сказал, что у меня холодные руки.

Я закрыла банку крышкой.

— Всё сюда положила?

— Да. Ничего не потеряем.

— Хорошо.

Ножки сложили отдельно. Столешницу решили пока оставить у стены: одна женщина обещала вечером приехать с сыном, если размеры подойдут. На месте стола проступил прямоугольник пола, светлее остального. Комната сразу показалась чужой.

— Непривычно? — спросил Саша.

— Да. Но нужно.

Я произнесла это так решительно, что он больше ничего не спросил.

Мы вынесли в коридор две коробки старых журналов. Я собиралась отдать их в пункт сбора бумаги, но не могла поднять обе сразу. Саша предложил отвезти: машина стояла за

домом. Я согласилась и почувствовала облегчение, за которым сразу пришло раздражение на себя. Зачем я неделю переносила их из угла в угол, если можно было попросить человека?

На лестничной площадке открылась соседская дверь.

— Саша? — сказала Тамара Павловна.

Он остановился с коробкой в руках.

— Здравствуйте.

— Вот это да. Верочка, а ты не сказала.

— Он помогает стол разобрать.

— Вижу, помогает. Как папа?

— Потихоньку. Спасибо.

— Передавай привет. Он меня должен помнить, я в библиотеке тогда работала. И маму твою знала.

Я стояла с ключами, ожидая продолжения. Тамара Павловна смотрела на нас с удовольствием человека, у которого появилось событие на целый день.

— Молодцы, — сказала она наконец. — Вдвоём легче.

— Коробки нести точно, — ответил Саша.

В лифте я вздохнула.

— Теперь будет история.

— Что я работаю грузчиком?

— Вряд ли она ограничится профессией.

Он посмотрел на меня и улыбнулся, но ничего не добавил.

Когда мы вернулись, я поставила чайник. Саша вымыл руки, спросил, где полотенце, хотя оно висело на прежнем месте. Этот вопрос мне почему-то понравился. Он не вёл себя так, будто семь лет ничего не изменили.

Я нарезала принесённый хлеб, достала сыр. Мы ели на кухне. На столе не было скатерти. Под клеёнкой я обнаружила несколько пятен и решила, что можно позволить дереву побыть самим собой.

— Мама знает, что ты приехала? — спросил он.

— Конечно. Она приедет за вещами, когда сможет.

— Тяжело ей?

— Наверное. Мы говорим о мебели. О другом не очень получается.

Он кивнул. Я хотела спросить про его мать, умершую ещё до того, как мы познакомились. Знала, что он поймёт. Но не хотелось вытаскивать чужую потерю только для того, чтобы удобнее объяснить свою.

— Я позавчера поняла, что не помню, как бабушка отвечала на телефон, — сказала я. — Первая фраза всегда была одинаковая, а дальше — смотря кто звонит. И вот эту первую фразу никак не могу вспомнить.

— «Слушаю вас», — сказал Саша.

Я подняла голову.

— Точно.

— Ты ей однажды звонила из соседней комнаты, проверяла новый аппарат. Я здесь был.

— Она ещё ругалась, что я деньги трачу на звонки.

— Да.

Я потёрла переносицу. Не хотелось плакать за бутербродом. Саша сделал вид, что рассматривает чашку. Дал мне время. Когда я снова взяла хлеб, заговорил о спектакле.

После чая мы вернулись к коробкам. Мне нужно было освободить полку, за которой находилась розетка. Саша не мог достать до неё, не сдвинув книжный шкаф, а с книгами тот весил слишком много.

Книги я складывала по темам. Бабушкина система предполагала рост: высокие к высоким, маленькие рядом. Саша снимал их с верхней полки и подавал мне. Из одного тома выпала фотография.

На ней я стояла у озера в слишком большой куртке. Саша сидел на берегу, спиной к камере. Нас снимала моя двоюродная сестра, и я помнила, как после фотографии побежала садиться рядом с ним.

Я подняла снимок и положила на подоконник изображением вниз.

— Оставишь? — спросил он.

— Пока да.

Он подал следующую книгу. За ней обнаружилась плоская картонная коробка от конфет. Бабушка иногда прятала туда документы, чтобы я не выбросила их при очередной уборке. Я сняла крышку.

Внутри лежали поздравительные открытки, несколько фотографий и театральные билеты. Я рассматривала их, пока Саша разбирался с розеткой. Один билет был надорван на углу. Другой выцвел так, что название почти исчезло.

Под открытками лежал распечатанный железнодорожный билет.

Я узнала его до того, как прочла дату. Название поезда, номер вагона. Мы брали два места в одном купе. Тогда я распечатала оба билета на работе: своего принтера у нас не было. Положила в прозрачный файл, чтобы не потерять.

В коробке лежал только один.

— Вера? — позвал Саша. — Удлинитель есть?

Я не ответила.

Он повернулся. Посмотрел на бумагу в моей руке, подошёл ближе.

— Откуда он здесь?

Я покачала головой. Билет оформляла я, но носил его он. Наверное, бабушка нашла позже, в прихожей или среди книг. Положила туда, куда складывала вещи, которые, по её мнению, ещё могли пригодиться.

Рядом с фамилией Александра стояло время отправления. Двадцать один сорок восемь. Я помнила его без подсказки.

— Не знаю, — сказала я.

Он взял билет за край, не вытягивая из моей руки. Мы несколько секунд держали одну и ту же бумагу.

В большой комнате больше не было стола. Открытая коробка стояла на полу, между нами. Я чувствовала запах старых книг и пыльного картона.

— Думал, я его выбросил, — сказал Саша.

Я посмотрела на номер места и наконец отпустила бумагу.

Глава 5. Как мы тогда поссорились

Первым моим желанием было отобрать билет. Не потому, что он принадлежал мне. Я сама отдала его Саше семь лет назад. Просто теперь эта бумага выглядела слишком убедительным свидетельством того, что я не сумела забыть.

— Бабушка, наверное, нашла, — сказала я.

Он кивнул, глядя на дату.

— Здесь мог остаться. Я потом приходил забрать сумку.

— Когда?

— После твоего отъезда. Дня через три.

Я не знала, что он приходил. Бабушка ничего не сказала. Или решила, что такое знание мне не поможет. С фотографии она смотрела спокойно, как всегда, а спросить её я уже ни о чём не могла.

Саша положил билет на подоконник. Я взяла коробку, прижала крышкой старые открытки.

— Я в кладовке удлинитель посмотрю.

— Не нужно. Вот старый лежит за шкафом. Сейчас проверю.

— Хорошо.

Он вернулся к шкафу. Я пошла на кухню. На доске осталось несколько хлебных крошек. Стала собирать их ладонью, потом остановилась. Сколько же можно убирать, когда не знаешь, что сказать.

В прихожей пискнул телефон. Женщина из объявления написала, что размеры стола ей не подходят. Я прочла сообщение, ответила «понятно, спасибо» и положила телефон рядом с коробкой.

Стол никто не забирал. Билет никто не использовал. В квартире было слишком много вещей, которые не исполнили своего назначения.

Семь лет назад мы тоже паковали коробки. Только тогда я верила, что достаточно правильно подписать каждую, и всё закончится хорошо.

Московское издательство предложило мне должность младшего редактора в июле. До этого я работала в местной типографии: вычитывала буклеты, объявления, иногда небольшие книги, которые авторы печатали за свой счёт. Мне было двадцать пять. Я могла час обсуждать заголовок каталога дверей, а вечером читать новые вакансии, будто они предназначались более решительным людям.

Резюме отправила после особенно удачного рабочего дня. Заказчик обвинил меня в том, что его текст оказался грамотным, но не внушительным. Руководитель предложила добавить в каждый абзац слово «уникальный». Я пришла домой, открыла ноутбук и впервые не стала ждать, когда буду достаточно хороша для другой работы.

На собеседование ездила одним днём. Утром вышла из поезда, умылась в туалете вокзала, переоделась в чистую рубашку. После разговора не знала, куда деть себя до обратного рейса. Саша позвонил и попросил описать кабинет, стол, человека, который со мной разговаривал.

— У неё огромная чашка, — сказала я. — Прямо ведро.

— Значит, редакция серьёзная. Чай пьют с запасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.